

Книги
Дугласа Престона:

Каньон Тираннозавра

•

Кодекс

ДУГЛАС
ПРЕСТОН

К О Д Е К С

АЗБУКА

Санкт-Петербург

*Алети Вон Престон
и Айзеку Джерому Престону*

Благодарности

В знак признательности за то, что появилась эта книга, в числе прочих я особенно хотел бы поблагодарить одного человека, и этот человек — мой добрый друг, бесценный Форест Фенн, коллекционер, ученый и издатель. Никогда не забуду наш обед в «Зале дракона» в «Розовой глинобитке», когда ты рассказал мне занятную историю, что и сподвигло меня на написание романа. Надеюсь, ты доволен тем, как я реализовал твою идею.

Упомянув Фореста, должен сразу оговориться: мой герой Максвелл Бродбент — чисто литературный персонаж. Характеры, взгляды, этические и семейные ценности этих людей — полные противоположности. Специально подчеркиваю это для тех, кто может вообразить, что разглядел в моей книге roman à clef¹.

Много лет назад два молодых неизвестных автора принесли издателю недописанный роман под названием «Реликт». Издатель рукопись купил, а затем отправил сочинителям письмо, в котором деликатно объяснил, как следует переделать и закончить произведение, и тем самым направил их на стезю, прямым выводящую к бестселлерам, которые потом превращаются в кинохиты. Этим издателем был Боб Глисон. И я чрезвычайно признателен ему за советы. Также я хотел бы поблагодарить Тома Догерти за то, что не прогнал блудного сына.

¹ Роман с ключом (*фр.*). То есть произведение, в котором зашифрованы реально живущие люди.

Не могу не упомянуть несравненного мистера Линкольна Чайлда, который в нашем литературном дуэте, безусловно, лидирует и который сделал по поводу рукописи «Кодекса» множество бесценных прозорливых замечаний.

Еще я многим обязан Бобби Роттенбергу — и не только за его помощь в разработке характеров и сюжета, но главным образом за великую, терпеливую дружбу.

Хочу назвать своих агентов: это Эрик Симонофф в «Janklow & Nesbit» в Нью-Йорке и Мэтью Снайдер в Голливуде. И выразить признательность Марку Розену, который помог развить в книге некоторые идеи, и Линде Обст, увидевшей в семистраничном синопсисе черты большого произведения.

Я большой должник Джона Коуча, который прочел рукопись и высказал много ценных предложений, главным образом по поводу холодного и огнестрельного оружия. А Никколо Капони подсказал блестящие ходы, как справиться с несколькими трудными сценами. Я также обязан Стиву Элкинсу, который исследует настоящий, а не выдуманный Белый город в Гондурасе.

В процессе написания «Кодекса» я пользовался несколькими книгами, среди которых хочу особо упомянуть «Снова в опасности» Редмонда О'Хэнлона и «Састун: мое ученичество у целителя майя» Розиты Арвиго — великолепную работу, которую я рекомендовал бы всем, кто интересуется медициной майя.

Рукопись несколько раз прочитала моя дочь Селина и раскритиковала в пух и прах, за что я ей чрезвычайно признателен. И еще я хочу поблагодарить мою жену Кристину и детей Алетию и Айзека за постоянную любовь и поддержку, без чего в моей жизни не было бы ни этой книги, ни всего остального.

Том Бродбент преодолел последний поворот подъездной аллеи и оказался лицом к лицу с двумя своими братьями, которые поджидали его у ворот имения Бродбентов. Раздраженный Филипп выбивал трубку о столбик ограды, а Вернон давил на кнопку звонка. За воротами молчаливо возвышался дом, горделиво, словно паша, устроившись на вершине холма, и верхний ряд его окон, трубы и башенки сверкали, залитые обильным послеполуденным солнцем столицы штата Нью-Мексико Санта-Фе.

— Не похоже на отца так опаздывать, — заметил Филипп и, сунув трубку в рот, с легким щелчком сжал мундштук ослепительно-белыми зубами. Он сам нажал на звонок, затем приподнял манжету и взглянул на часы.

А он нисколько не изменился, подумал Том: та же трубка из верескового корня, тот же насмешливый взгляд; щеки так же чисто выбриты, тот же запах лосьона; зачесанные назад волосы открывают высокий лоб, на запястье поблескивают золотые часы. Филипп был одет в серые свободные шерстяные брюки и синий пиджак. А его английский акцент сделался как будто еще заметнее. Вернон, напротив, вырядился в холщовые штаны, сандалии, отрастил длинные волосы и внешне стал похож на Иисуса Христа.

— Затеял с нами очередную игру, — предположил он и еще несколько раз прижал ладонью кнопку звонка.

Ветер прошелестел в кронах сосен и принес запах разогретой смолы и пыли. Огромный дом оставался безмолвным.

В воздухе поплыл аромат дорогого табака Филиппа. Он повернулся к брату:

— Том, как дела у индейцев?

— Отлично.

— Рад слышать.

— А у тебя?

— Потрясающе. Лучше быть не может.

— А у тебя, Вернон? — спросил в свою очередь Том.

— Все в порядке. Лучше не придумаешь.

Разговор оборвался, братья посмотрели друг на друга и смущенно отвернулись. Том толком никогда не знал, о чем с ними говорить. Над головой, каркая, пролетела ворона. Группа у ворот застыла в неловком молчании. Прошло несколько долгих минут; Филипп еще пару раз стукнул по кнопке звонка и, ухватившись руками за литые прутья, сердито уставился сквозь металлическую решетку.

— Его машина в гараже; наверное, испортился звонок, — предположил он и возопил в пространство: — Эй, отец! Отзовись! Явились твои преданные сыновья!

Послышался скрип, и ворота под его весом подались.

— Они не заперты! — удивился Филипп. — Он никогда не оставлял ворота незапертыми.

— Значит, ждет нас дома, только и всего, — бросил Вернон.

Братья навалились плечами на тяжелые створки, и те раскрылись на неподатливых петлях. Вернон и Филипп вернулись к машинам, чтобы загнать их внутрь, а Том вошел в ворота пешком и оказался один на один с до-

мом своего детства. Сколько же лет прошло с тех пор, как он приезжал сюда в прошлый раз? Три года? Его наполнили странные, противоречивые чувства — так случается, когда взрослым возвращаешься в места, где когда-то рос. Он снова оказался в Санта-Фе, в имении, где провел столько времени. Мощеная подъездная аллея полукругом огибала ведущие в холл двери семнадцатого века, собранные из вырезанных вручную пластин мескитового дерева. Сам дом представлял собой приземистое сельское строение с резными стенами, украшенными орнаментами балками, нишами, порталами и дымоходами с настоящими колпаками, которые сами являли собой подлинное произведение искусства. Дом был окружен хлопковыми деревьями¹ и изумрудными лужайками. А с вершины холма открывался широкий вид на горы, сбегавшую вниз пустошь, огни города и переваливавшие через гряду Хемес грозовые тучи. Дом не изменился, но вызывал иные ощущения.

Одна створка гаражных ворот оказалась распахнута, и Том разглядел в боксе зеленый отцовский «мерседес-гелендваген». Два других бокса были закрыты. Он услышал, как машины братьев прохрустели шинами по подъездной аллее и остановились у входа в дом. Хлопнули дверцы, и Филипп с Верноном присоединились к Тому.

В этот миг у Тома стало зарождаться тревожное чувство.

— Почему мешкаем? — спросил Филипп, поднялся по ступеням, подошел к дверям и несколько раз энергично надавил на кнопку звонка.

Вернон и Том последовали за братом.

Дом ответил им тишиной.

¹ Имеются в виду деревья семейства мальвовых; их плоды и семена покрыты похожим на хлопок пушком. Это дерево — один из священных символов мифологии майя.

Как всегда нетерпеливый, Филипп в последний раз ударил по кнопке, и Том услышал за дверью переливчатый звон. Мелодия напоминала последние такты из «Мейм»¹, что, по мнению Тома, отвечало специфическому чувству юмора их отца.

Филипп сложил ладони рупором и прокричал в дом:

— Эй, там!

Опять ничего.

— Как вы думаете, с ним все в порядке? — забеспокоился Том.

Тревожное ощущение становилось все сильнее.

— Не сомневаюсь, — сердито отозвался Филипп. — Очередная игра! — И ударил в дверь кулаком так, что та задребезжала и по дому разнесся гул.

Том оглянулся и заметил, каким неухоженным выглядит двор: трава не скошена, на клумбе с тюльпанами пустились ростки сорняки.

— Загляну-ка я в окно, — предложил он.

Продравшись сквозь зеленую изгородь подстриженного кустарника, он на цыпочках прошел через клумбу и бросил взгляд в окно спальни. В комнате что-то было не так, но Тому потребовалось некоторое время, чтобы осознать, что именно. Сначала показалось, что там все как обычно: тот же кожаный диван, те же кресла с широкими подлокотниками, тот же сложенный из камня камин и кофейный столик. Но раньше над камином висела большая картина, а теперь ее не было. Том принялся ломать голову, кто был художник: то ли Брак, то ли Моне. И в этот момент сообразил, что вместе с картиной исчезла римская бронзовая статуэтка мальчика, которая стояла слева от камина. На книжных полках зияли дыры — оттуда кто-то вытащил тома. И вообще в спаль-

¹ «Мейм» — популярный американский мюзикл.

не царил беспорядок. А на полу перед дверью в коридор валялся мусор: смятая бумага, обертка от жвачки, скотканная упаковочная лента.

— Ну что там, док? — донесся из-за угла голос Филиппа.

— Иди посмотри сам.

Брат с недовольным видом полез в заросли, и колючки кустарника впились в полы его модного пиджака. Вернон последовал за ним.

Филипп заглянул в окно спальни и удивленно воскликнул:

— Липпи...¹ тот, что висел над диваном... исчез! И Брак тоже. Он их куда-то дел. Продал!

— Не переживай, Филипп, — перебил его Вернон. — Он их, наверное, просто упаковал. Решил переезжать. Вспомни, ты сам ему постоянно твердил, что этот дом для одного слишком велик и слишком уединенно стоит.

Глаза Филиппа сразу потухли.

— Да-да, конечно.

— Видимо, этому и посвящена наша таинственная встреча, — продолжал Вернон.

Филипп промокнул лоб шелковым платком.

— Ты прав. Я, должно быть, устал после перелета. И что тут за бардак? Когда отец увидит, его хватит удар.

Братья молча стояли в кустах и переглядывались. Беспокойство Тома достигло высшей точки. Если отец решил переезжать, то выбрал для этого какой-то странный способ.

Филипп вынул трубку изо рта.

— Как вы считаете, это он специально для нас все устроил? Что-то вроде небольшой головоломки?

¹ *Фра Филиппо Литти* (ок. 1406–1469) — итальянский живописец, представитель Раннего Возрождения, автор религиозных картин и фресок.

- Попробую проникнуть внутрь, — отозвался Том.
- А как же сигнализация?
- Черт с ней, с сигнализацией.

Том обогнул дом и вышел к тыльной стороне здания. Братья последовали за ним. Затем он перелез через стену и оказался в небольшом закрытом садике с фонтаном. Теперь окно спальни было прямо на уровне глаз. Том наклонился и вытащил камень из поддерживавшей клумбу стенки. Приблизился к окну и прикинул камень на руке.

- Ты что, серьезно собираешься расколотить стекло?

В ответ Том размахнулся и швырнул камень в окно. Когда замер звон разлетевшихся осколков, все напряженно прислушались.

Тишина.

- Никакой сигнализации, — заметил Филипп.
- Мне это не нравится, — покачал головой Том.

Филипп заглянул в образовавшуюся дыру, и Том заметил, как от какой-то внезапной мысли исказилось его лицо. Брат выругался и одним махом, как был в пиджаке и с трубкой, перепрыгнул через подоконник.

- Что это с ним? — удивился Вернон.

Том не ответил и полез в окно за братом. Вернон последовал их примеру.

Спальня, как и остальные комнаты, лишилась всех произведений искусства. Повсюду царил беспорядок: следы грязных подошв, мусор, обрывки упаковочной ленты, обертки от жвачки и кульки из-под попкорна. И тут же на полу гвозди и обрезки деревянных планок. Том вышел в коридор — и там одни голые стены. А он помнил, что в коридоре висел Пикассо, еще один Брак и стояла пара стел народа майя. Теперь все исчезло.

Том чувствовал, как в нем нарастает паника, кинулся по коридору и замер в дверях гостиной. Филипп был

уже там и, стоя посередине с побелевшим лицом, обводил взглядом помещение.

— Сколько раз я ему твердил, что это непременно случится. Преступное легкомыслие держать здесь все эти вещи. И вот доигрался!

— Что такое? — встревожился Вернон. — В чем дело, Филипп? Что случилось?

— Нас обокрали, — с трудом, почти шепотом ответил брат.

Детектив лейтенант Хатч Барнаби из полицейского управления Санта-Фе приложил ладонь к костлявой груди, откинулся на стуле и поднес к губам очередную, десятую за день, чашку из «Старбакса». Потянул крючковатым носом горьковатый аромат прожаренных зерен, посмотрел в окно на одинокое хлопковое дерево и, засовывая длинные ноги глубже под стул, подумал: отличный весенний денек выдался сегодня в Санта-Фе, штат Нью-Мексико, США. 15 апреля. Весенние виды. Срок подачи налоговых деклараций. Все сидят по домам, подсчитывают деньги и приводят себя в чувство размышлениями о морали и нужде. Даже преступники берут выходной.

Лейтенант с чувством глубокого удовлетворения отхлебнул кофе. Если бы не трезвонящий телефон, жизнь была бы прекрасна.

Краем сознания он уловил, как Дорин отвечала на вызов, и ее четкие гласные вливались в открытую дверь:

— Извините, не могли бы вы говорить помедленнее? Не кладите трубку, сейчас позову сержанта.

Барнаби заглушил ее реплику шумным глотком кофе. Потянулся ногой в сторону двери кабинета и толчком прикрыл створку. Слава богу, вернулась тишина. Но ненадолго. Послышался стук в дверь.

Черт бы побрал этот телефон!

Лейтенант поставил кофе на стол и выпрямился.

— Войдите.

В дверь заглянул сержант Гарри Фентон. По одному взгляду на его оживленное лицо Барнаби понял, что произошло нечто выдающееся: его подчиненный был не из тех, кто любил спокойные дни.

— Хатч!

— Мм?..

— Обокрали дом Бродбента, — восторженно доложил он. — У меня на телефоне один из его сыновей.

— И что украли? — У лейтенанта не дрогнул ни один мускул.

— Все! — Черные глаза сержанта светились от удовольствия.

Барнаби сделал глоток кофе, отхлебнул еще, а затем поднялся и пнул стул. Дьявол!

Пока они с сержантом ехали по старому шоссе Санта-Фе, Фентон рассказывал о краже. Он слышал, что коллекция Бродбента стоила около полумиллиарда. Если это хоть сколько-нибудь соответствует истине, о преступлении напишут на первой полосе «Нью-Йорк таймс»! Да что там «Нью-Йорк таймс»! Обеспечена первая страница в «Таймсе»! Можете себе представить?

Лейтенант не мог. Но ничего не ответил. Он уже привык к восторгам Фентона. Барнаби остановил машину у начала петляющей подъездной аллеи, которая вела к имению Бродбентов. Сержант вылез из машины и, весь светясь от предвкушения, повел длинным носом в сторону дома. А Хатч, шагая по дорожке, смотрел себе под ноги. Он заметил полустершийся след фургона с небольшим прицепом, который вел туда и обратно. Сюда явились нагло, не скрываясь. Так что Бродбент либо уехал сам, либо его убили. Скорее всего, второе, и сейчас они обнаружат в доме его холодный труп.

Дорожка сделала крюк и, выпрямившись, вывела к открытым воротам, которые охраняли свободно раскинувшееся среди поросших хлопковыми деревьями лугов сельское поместье с приземистым домом. Лейтенант задержался осмотреть ворота. Они оказались механическими, с двумя моторами. Следы взлома отсутствовали, но электрический щиток был открыт, и внутри торчал ключ.

Хатч опустил на колени. Ключ находился в положении деактивации электрической цепи сигнализации.

— Что скажешь? — повернулся он к сержанту.

— Подкатили на фургоне, заранее запасшись ключом от ворот. Ребята — профессионалы. Сдается мне, что мы обнаружим в доме труп.

— Вот за что я тебя люблю, Фентон, — ты читаешь мои мысли.

Лейтенант услышал крик и увидел троих мужчин, направлявшихся к ним через лужайку. Недоумки шли прямо по траве.

— Вы что? — возмутился он. — Не понимаете, что это место преступления?

Двое остановились, но первый, высокий мужчина в костюме, продолжал двигаться вперед.

— А вы-то кто такой? — надменно-холодно спросил он.

— Я детектив, лейтенант Хатчинсон Барнаби, — ответил полицейский. — Со мной сержант Гарри Фентон. Полицейское управление Санта-Фе.

Фентон одарил подходившего улыбкой, хотя скорее не улыбнулся, а только обнажил зубы.

— Вы сыновья?

— Да, — подтвердил тот, что был в костюме. И удостоился нового оскала сержанта.

Барнаби воспользовался мгновением и окинул взглядом будущих возможных подозреваемых.